

КОНСИСТОРИЯ

31. ВЕЛИКИЙ КОМАНДОР ИНСПЕКТОР ИНКВИЗИТОР

Терпеливо выслушивать, тщательно взвешивать и беспристрастно выносить вердикт, вот основные обязанности судьи. Поскольку вы уже выслушали наставление сего градуса, нет необходимости более рассуждать о них. Впредь тебе постоянно и красноречиво будет о них напоминать убранство наших алтаря и всего Трибунала.

Священное Писание да напоминает тебе вечно о твоих обязательствах; и как ты будешь судить здесь, внизу, так и тебя самого будет судить по твоей смерти Тот, Кому нет нужды подчиняться печальной необходимости, которой подчиняются все земные судьи, а именно: судить о мотивах, побуждениях и целях людей (которые и являются сутью их преступлений) по путаным и зачастую неверным показаниям живых свидетелей и обнаруженных улик, по их собственным деяниям или словам, при этом точно наощупь шаря во тьме, Тот, для Кого каждая мысль, каждое чувство, каждое намерение и побуждение каждой живой души – живущей ли ныне, жившей ли когда-либо в прошлом, только ли собирающейся жить на Земле, и сейчас, и всегда, на протяжении всей необозримой Вечности, ясны и зримы.

Циркуль и наугольник, отвес и уровень уже достаточно хорошо известны тебе как орудия труда Вольного Каменщика. Однако для тебя как Судьи они, в первую очередь, должны служить символами праведности, беспристрастия, тщательного изучения всех фактов и обстоятельств, верного суждения и равного для всех решения при равных условиях. Как Судья ты обязан судить праведно и только праведно. Как храм, возведенный по отвесу, ты не должен склоняться ни в какую сторону. Как здание, построенное по уровню и наугольнику, ты должен твердо стоять на позициях праведности и истины. Как окружность, очерченная циркулем, должен ты быть верен и точен. На весах правосудия ты должен взвешивать только факты и законы – и ничего больше; в особенности же воздерживайся от того, чтобы укладывать на чашу весов личные привязанности, дружеские чувства, страх или желание услужить; и помни, что если не остается надежды на исправление преступника, ты обязан нанести ему разящий удар мечом правосудия.

Особым и крайне важным символом данного градуса является Тетрактис Пифагора на Востоке зала заседаний Трибунала, где обычно ты привык видеть изображение Неизрекаемого Священного Слова или его первой буквы. Он здесь имеет то же самое значение, то есть символизирует Бога. Девять его внешних точек составляют треугольник – основной символ масонства, множество значений которого тебе уже были открыты.

Для нас три его стороны воплощают тройственность Божественных свойств, ибо господь сотворил, вечно сохраняет, предержит и управляет Вселенной в ее вечном движении; или три опоры масонского Храма – Мудрость, или беспредельный Божественный Разум, Силу, или власть беспредельной Божественной Воли, и Красоту, или беспредельную Божественную Гармонию, вечный Божественный Закон, за счет которого все неисчислимые мириады солнц и звезд вершат свой бесконечный путь в

необозримых просторах Космоса, не сталкиваясь между собой и не пересекаясь своими орбитами, ибо движение и изменение суть законы существования всего тварного мира.

Для нас как масонов и Судей треугольник также является образом великих пирамид, навечно воцарившихся над мертвыми барханами великой пустыни, гениально ориентированных по четырем сторонам света, не поколебленных никаким воздействием сил Природы или человека, которые наставляют нас в стойкости, непоколебимости и твердости, каковые качества мы становимся способны обрести, только стоя на твердой почве истинных убеждений.

Треугольник состоит из нескольких геометрических фигур, каждая из которых исполнена для масонов особого и крайне важного смысла. В особенности священен для нас тройной треугольник, ибо он всегда служил практически всем народам Земли символом Бога. Продолжив за внешние границы все линии шестиугольника, также входящего в тройной треугольник, мы получим в итоге шесть меньших треугольников, пересекающихся основаниями в центре Тетрактиса, также служащего символом творческой способности Вселенной, Солнца, Брахмана, Осириса, Аполлона и Самого Бога. Девять (3 x 3) из получившихся в итоге наших преобразований двенадцати треугольников составляют сам Тетрактис.

Я не собираюсь сейчас описывать и толковать тебе все геометрические фигуры, содержащиеся в нем, однако одну из них просто не могу обойти вниманием. Шестиугольник частично отражает круг, хотя на первый взгляд это может быть и незаметно, каковой факт заставляет нас рассматривать его как эмблему веры в незримое, каковая, в свою очередь, необходима для того, кто желает обрести Спасение. Это первый правильный многоугольник, напоминающий нам также о кубическом камне, вспотевшем кровью, а также о камне Еноха, и наставляющий в праведности, верности и стойкости.

Возможность треугольника к бесконечному делению, а также свойство исходящих из одной точки лучей бесконечно удаляться друг от друга по мере удаления от центра, должны наставлять тебя в беспредельности Вселенной, времени, пространства и Бога. Как бесконечно может быть количество подобных лучей, так беспредельно и количество Божественных свойств; и как они исходят из единого центра, так и вся Вселенная проистекла от Единого Бога.

Помни также, брат мой, что тебе необходимо выполнять и иные обязанности, кроме судейских. Ты должен тщательно изучать и исследовать работу всех низших по статусу масонских объединений и институтов. Ты обязан следить за тем, чтобы число посвященных в высшие степени не увеличивалось без необходимости, чтобы в это число не входили люди, должным образом к такому посвящению не приуроченные, чтобы делами и словами своими все масоны всегда подтверждали верность возвышенным принципам нашего учения и самому нашему достославному сообществу. Ты также обязан тщательно следить за собой, дабы самому не оступиться, изучать собственное поведение. Если самого тебя обуяют злая воля или зависть, если в сердце твоём свили гнездо нетерпимость и предрассудки, если в душе твоей нет места нежной и доброй привязанности, если ты открываешь сердце свое одним и закрываешь его для других, настало время тебе починять свой собственный внутренний Храм, иначе, не обладая истинно масонской душой, ты зря только будешь

трепать звание и отличительные знаки Вольного Каменщика.

Повсюду в Природе разлит естественный Закон, иначе говоря, постоянный и неизменный образ действия, присущий природе всех вещей и всему мирозданию в целом. Он носит действительно вселенский, универсальный характер. В различных областях мироздания мы называем его по-разному: закон материи, закон разума, закон нравственности и пр. Этими словами мы описываем определенный образ действия, присущий, соответственно, материальной, разумной и нравственной силам, в соответствии с которым они возникают и, в идеале, действуют впоследствии. Идеальные законы материи известны нам ровно настолько, насколько мы видим, что они неизменно соблюдаются. Собственно факт их соблюдения и является для нас единственным критерием познания идеальных законов, поскольку приходится признать, что в материальном мире идеальное и актуальное совпадают.

Мы постигаем законы природы лишь путем наблюдений и опыта. До обретения соответствующего опыта человек не способен предсказать, что, например, тело, падающее на землю, пролетит шестнадцать футов за первую секунду, вдвое больше – за вторую, вчетверо больше – за третью и в шестнадцать раз больше – за четвертую. Никакое чувство, присущее нам в этом внешнем мире, не может подсказать нам эту прогрессию. Это утверждение верно для вообще всех материальных законов. Идеальный закон постигается за счет того, что он есть факт. Закон обязывает. Ему следует подчиняться немедленно и безропотно. Закон кристаллизации, закон пропорции химических соединений, ни в этих, ни в каких иных законах материального мира не оставлено ни малейшего места, ни малейшей возможности для неподчинения, несоблюдения или неповиновения. В этом мире действует одна первичная и изначальная Божественная Воля, и ни для какой иной, вторичной, конечной воли просто не остается места.

Не существует исключений из всеобщего закона всемирного тяготения, властью которого один атом тела различной лишь под микроскопом крошечной коловратки связан с другим таким же атомом, его орбита – с другой такой же орбитой, а система ее организма – с другой такой же системой, властью которого связаны в единую Вселенную все многочисленные вещественные миры. На первый взгляд кажется, что из этого закона, равно как и из закона развития и упадка, и из закона электрического движения, существуют все-таки некоторые исключения, однако, по зрелом размышлении, все эти кажущиеся исключения оказываются частными случаями великого закона тяготения, просто действующего в различных условиях.

На первый взгляд, разнообразие следствий действия этого закона поражает воображение и необратимо влияет на все чувства исследователя, однако гораздо больше поражает его развитой разум величие первичной Причины. По сравнению с ней землетрясение – это не более чем крошечная трещина, возникающая на садовой дорожке в жаркий летний день. Губка пориста, то есть ее твердые частицы разделены между собой полостями; Солнечная система еще более пориста, и полости между орбитами отдельных ее планет гораздо шире; Вселенная же неизмеримо больше, как неизмеримо больше в ней и пространства между отдельными звездными системами, столь же крошечными, по сравнению с беспредельным пространством, сколь для нас крошечны расстояния между отдельными

атомами, из которых состоит тело мельчайших инфузорий, мириады и мириады которых населяют одну отдельную каплю морской воды. Один и тот же закон тяготения удерживает вместе атомы тела инфузории, губки, Солнечной системы и Вселенной в целом. Каждая материальная частица в этой Вселенной неразрывно связана со всеми остальными частицами материи за счет существования единой удерживающей их вместе силы – силы тяготения.

В духовном мире, мире человеческого сознания, также существует некий закон, то есть идеальный образ действия духовных сил человека. Закон справедливости так же един и так же всеобщ, как закон тяготения, хотя нам сложно бывает объяснить его действием некоторые природные явления. Жаворонок, по нашему мнению, обладает таким же правом жить, петь, летать, где пожелает, в ласковых волнах обтекающего его воздуха, каким обладает ястреб, горделиво расправляющий свои сильные крылья в лучах летнего солнца; но необходимо помнить, что, камнем падая вниз, ястреб пожирает безвредного жаворонка, точно так же, как сам жаворонок пожирает червяка, а червяк, в свою очередь, – крошечную инфузорию; и, насколько нам известно, нигде в Природе и никогда в обозримом времени эта несправедливость не будет ничем скомпенсирована. У пчел правит королева, которой подчиняются те, кто воюет и работает, в то время как трутни не работают и не воюют. У муравьев солдаты кормятся тем, что добывают своим трудом рабочие. Лев долго лежит в засаде, чтобы потом напасть на мирно пасущуюся антилопу и пожрать ее, несмотря на то, что, по нашему мнению, она обладает точно таким же, как у него самого, правом на жизнь. У людей же одни правят, другие – служат им, капитал повелевает, а труд – повинует, один народ – высший по интеллектуальному развитию – использует мышечную силу другого народа – менее развитого, чем он; однако никто не берется оспаривать законы Господней справедливости.

Вне всякого сомнения, все эти разнообразные явления находятся в полном соответствии с единым великим законом справедливости, и единственная сложность здесь состоит в том, что мы не понимаем, да и, в сущности, не способны понять, этот закон. Какому-нибудь мечтательному теоретику-идеалисту легко было бы предположить, что совершенно несправедливо устроен мир, в котором лев пожирает антилопу, а ястреб разрывает на части беззащитного крапивника; но сложность-то здесь состоит в том, что нам неизвестно ни о каком ином способе, посредством которого эти лев и ястреб – в рамках дарованных им Господом внешней формы, внутренних органов и повадок – могли бы вообще жить, питаться, существовать. Нельзя нашей крошечной мерой мерить Господне правосудие. Он, по справедливости Своей, не требует, чтобы мы избавили миллионы своих братьев по роду людскому вообще от всего и всяческого физического труда или освободили и наделили всеми правами свободных людей слуг и рабов, которые не созрели еще для обретения полной личной свободы.

Вне всякого сомнения, под всем огромным множеством мыльных пузырей, которые суть наши жизни, стремления, желания и планы всех двух тысяч миллионов, или более, людей, живущих на этой Земле (ибо все они действительно всего лишь мыльные пузыри, как по размерам, так и по продолжительности жизни, по сравнению с неоглядным и вечным великим океаном вселенского человечества), вне всякого сомнения, под всеми ними

пробывает, в их основании лежит одна, единая и всеобщая сила, которой они, в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств, придают ту или иную; а над всеми ними пребывает одно и то же всевышнее Провидение, одинаково пристально надзирающее и за великим, и за малым; таким образом, единство первичной силы порождает неисчерпаемое множество следствий.

Совершенно справедливо было бы сказать, что справедливость является фундаментальным, основообразующим законом нравственной Вселенной, законом права, законом деятельности человека (как и любого другого одушевленного существа) во всех его нравственных взаимоотношениях с другими одушевленными существами. Без сомнения, все дела людские (как и все прочие дела) должны подчиняться этому закону как высшему и обязательному для всех; и то, что праведно – находится в соответствии с ним, а поэтому выживает, в то время как то, что несправедливо – противоречит ему, а поэтому обречено на исчезновение. Наша основная беда на настоящий момент состоит в том, что мы привычно возводим наши собственные представления о том, что праведно, а что несправедливо, в закон справедливости и воздаяния; мы буквально требуем, чтобы Бог принял наши представления и сделал их Своим законом, все это вместо того, чтобы путем наблюдений и размышлений постараться понять, в чем же состоит именно Его закон, а затем осознать, что этот закон находится в полном соответствии с Его беспредельной справедливостью, вне зависимости от того, соответствует ли он нашим ограниченными представлениям о справедливости или наоборот, им противоречит.

Иногда человеку бывает трудно доказать даже самому себе, что он поступает справедливо, подчиняя себе лошадь и быка, постоянно пользуясь их трудом до седьмого пота, в обмен предлагая им только корм, который и так Господней волей рассеян повсюду на изумрудных пастбищах и в саванне, или убивая ни в чем не повинного оленя, питающегося лишь зеленой травой, древесными почками и молодой листвой, пьющего одну лишь проточную воду рек и ручьев, сотворенную Богом для всех обитателей Земли, или умерщвляя невинного голубя, или крошечного олененка, которые, увы, столь часто тянутся к людям в надежде обрести у них защиту и ласку. Наверное, это так же трудно, как доказать, что ум одного человека, или даже просто его материальное богатство, совершенно справедливо превращают силу рук другого человека в свою служанку, отдавая взамен ровно столько денег, сколько хватает, чтобы поддержать жизнь и силу в этих руках.

Одно дело – обнаружить этот вселенский закон справедливости, но совсем другое – вооружиться нашей коротенькой человеческой рулеткой, измерить нечто и немедленно назвать это нечто «Божественным Законом Справедливости». Великий вселенский План, великая вселенская Система, великие всеобщие Законы, сотворенные Богом, постоянно порождают нечто кажущееся нашим ограниченным в пространстве и во времени, несовершенным чувствам несправедливостью и несправедностью, и до сих пор людям удавалось хотя бы отчасти объяснить самим себе существование Зла и несправедливости только при помощи гипотезы о существовании некоего иного бытия, в котором все несправедливости этой жизни и все ее зло будут излечены, скомпенсированы. В рамках нашего понятия справедливости крайне несправедливо, например, то, что в расплату за

грехи отца ребенок рождается несчастным калекой, с рождения изуродованным и страдающим неизлечимыми недугами, однако это также одно из проявлений вселенского закона. Древние говорили, что такой ребенок наказан за грехи отца. Мы же говорим, что это уродство и эти болезни суть следствия грехов его отца, хотя, если признавать существование в мире как справедливости, так и несправедливости, это всего лишь вопрос подбора тех или иных слов.

Легко сформулировать некий всеобщий, всеобъемлющий принцип, включающий в себя наше понимание абсолютной справедливости, и настаивать на том, что все обязаны подчиняться ему, сказать: «Все люди обязаны подчиняться сему как высшему и всеобщему закону, ибо все праведное находится в соответствии с ним и поэтому выживает, а все неправедное противоречит ему и в силу этого уничтожается. Частные связи и взаимоотношения, как то: дружба, самоуважение, патриотизм, должны подчиняться всеобщему вечному тяготению и стремлению к праведности». Трудность здесь состоит в том, что наша Вселенная Богом сотворенных отношений необходимости, причинно-следственных связей, жизни, проистекающей из смерти, эта непрерывная и бесконечная последовательность жестокостей, никогда не подчинится никакому подобному субъективному принципу, никакой бесплотной теории такого рода: в этих звучных словах и красиво построенных фразах нет ничего материального.

Непрактичные законы в области нравственности даже вредны, ибо, коль скоро практически никто из людей не оказывается в состоянии следовать им во всей полноте, они со временем начинают превращать даже вполне реальные добродетели в воображаемые нарушения закона, который ложен в своей основе. Справедливость отношений между человеком и человеком и справедливость в отношениях между человеком и животными, стоящими ниже него на лестнице эволюции, должна быть такова – согласно и в соответствии с законом, установленным Богом для подобного рода отношений, а также согласно всем обстоятельствам в то или иное время и в том или ином месте, чтобы функционировать с наибольшей эффективностью как во вселенских, так и в частных интересах. Ни в коем случае не следует рассматривать, хвалить, а тем более порицать отношения, сотворенные и установленные Богом для нас и окружающего нас мира, с позиций бесплотной, абстрактной теории.

Бог сотворил эту великую систему Вселенной и учредил вселенские законы для управления ею. Эти законы распространяют свое действие на все многообразие существ, обитающих в сфере необходимости. Он решил сотворить тигра неспособным своими зубами жевать траву, вследствие чего тигру приходится или есть мясо других животных, или умереть от голода. Он сотворил плотоядным также и человека, равно как и некоторых крошечных птичек, которые не менее кровожадны и прожорливы, чем тигры. Каждым вздохом, каждым шагом своим по земле мы уничтожаем тысячи и тысячи микроскопических живых существ, не менее одушевленных – как бы малы они ни были, чем мы сами. Он сотворил людей неравными по физической силе, уму и уровню нравственного развития. Он сотворил в обществе разнообразные отношения между людьми, включая отношения управления, подчинения и зависимости.

То, что таким образом было сотворено необходимым, не может быть несправедливо, ибо будь это так, Сам Бог – Великий Законодатель –

оказался бы несправедлив. Зло, которого следует всячески избегать, в действительности состоит в узаконении несправедливости под ложным предлогом ее необходимости. Из всех взаимоотношений в этой жизни вырастают обязанности – точно так же неизбежно и естественно, как листья на деревьях. Если мы обладаем правом, в соответствии с сотворенным и дарованным нам Богом законом необходимости, убить ягненка, чтобы впоследствии съесть его и тем самым поддержать жизнь в своем теле, нам, по крайней мере, не следует мучить его при этом, ибо в этом нет никакой необходимости. Мы имеем право, в силу дарованных нам природных способностей, жить упражнениями развитого ума и покупать ручной труд других людей, которые работают на нашей земле, в наших шахтах, на наших фабриках, но не имеем равным счетом никакого права заставлять их перерабатывать или недоплачивать им за их труд.

Правда не только то, что мы способны постигнуть закон справедливости и праведности путем наблюдений и размышлений, но также и то, что Бог даровал нам нравственную способность, иначе говоря, совесть, воспринимающую этот закон интуитивно – непосредственно и моментально; правда и то, что в природу человека включено некое правило, которое превышает все, что он имеет возможность встретить в своей жизни, некая идеальная природа, гораздо более возвышенная, чем его собственная, окружающей его природы и всех примеров в истории его развития, ибо человек всегда превращал необходимость – свою личную или своего общества – в повод жаловаться на несправедливость. Но ведь это понятие ни в коем случае не следует толковать слишком широко, ибо, если мы подменяем реальность идеальностью, это значит, что истинным становится утверждение, будто внутри нас содержится идеальный закон праведности и неправедности, к которому не сумел прийти Сам Бог, задумывая и творя этот мир и управляя им, и который Он (при всем уважении к Нему) ежедневно преступает. Мы не любим тигра и волка за жестокость и прожорливость, являющиеся неотъемлемыми составляющими их природы; мы восстаем против закона, в соответствии с которым искривленные конечности и искаженное гримасой страдания лицо ребенка являются последствиями совершенных его отцом грехов; мы даже иногда рискуем утверждать, что всемогущий и премудрый Господь не должен допускать существования в мире боли, нищеты и зависимости; наше понятие справедливости возвышеннее, чем его реализация в Господнем мире. И это хорошо, как и вообще все в мире хорошо. Он даровал нам нравственное чувство во имя мудрой и великодушной, с Его стороны, цели. Мы принимаем его в себе как неоспоримое подтверждение изначальной возвышенности человеческой природы, способной иметь столь высокие идеалы; мы должны стремиться к их достижению настолько, насколько позволяют нам это установленные Богом в природе отношения и окружающие нас и держащие нас в плену обстоятельства.

Если мы достойно пользуемся этой дарованной нам способностью – совестью, если, применяя ее в данных свыше обстоятельствах и учрежденных свыше взаимоотношениях, мы развиваем ее и все ее внутренние силы, таким образом ограничивая и сокращая обязанности, которые в этих ограничивающих и стесняющих нас обстоятельствах и при этих ограничивающих и стесняющих нас отношениях возникают и налагаются на нас; таким образом мы познаем справедливость, закон праведности, то есть Божественный закон, учрежденный Богом для всех и

каждого в мире людей. Но если только мы начинаем считать себя вправе определять и насаждать образ действия, присущий неизмеримо более совершенной природе Бога, то есть устанавливая некое универсальное правило, недоступное для соблюдения человеку, вскоре мы неизменно приходим к осуждению Его деяний и отношений, которые Он посчитал приятным для Себя сотворить между вещами тварного мира.

Чувство справедливости присуще человеческой природе, являясь неотъемлемой ее составляющей. Люди находят глубокое, постоянное, инстинктивное удовлетворение в справедливости, не только в силу ее внешних следствий, но и в силу понимания ее внутренней Первопричины; они, по природе своей, горячо и преданно любят закон праведности. Справедливость есть цель предприятий их совести; она настолько же отчетливо воспринимается совестью, как свет – глазами, а истина – разумом.

Справедливостью поддерживаются равные отношения между людьми. Ею поддерживается равновесие между народами, между человеком и его семьей, его племенем, его народом, дабы его и их абсолютные права не пересекались и не вступали в противоречия между собой, чтобы никогда не смешивались их конечные цели и интересы, дабы чьи-либо врожденные и вечные интересы не оказались изначально противоречащими интересам всех или кого-либо одного. В это мы просто обязаны верить, коль скоро мы признаем справедливость Бога и верим в нее. Мы обязаны поступать со всеми справедливо и того же требовать от всех: это всеобщий для людей закон и вселенское людское устремление. Однако мы также можем допускать грубые ошибки в определении справедливости. Временные интересы и то, что люди привыкли считать своими правами, зачастую переплетаются и сталкиваются между собой. Жизненные интересы отдельных людей зачастую вступают в конфликт с интересами безопасности и процветания общества, а то, что одни классы или народы полагают своими интересами, с кажущимися интересами других классов или народов.

Неправильно было бы сказать, что один человек не может и не должен быть приносим в жертву во имя благосостояния другого человека (как бы велик этот другой человек ни был), или большинства людей, или человечества в целом. Это не просто заблуждение, но одно из опаснейших. Зачастую человек, и даже несколько, и даже множество людей, просто не могут не быть принесены в жертву – в самом простом и обыденном смысле этого слова – во имя благосостояния остальных. Ведь заблуждение это лишь прекрасно успокаивает эгоистов; они считают, что, если, согласно закону всеобщей справедливости, они не могут быть насильно принесены в жертву общественному благу, общество также не имеет права требовать от них самопожертвования, и дурак тот, кто возлагает на алтарь общественного блага жизнь свою, или свое благосостояние, или просто некоторые особые роскошества своей жизни, с которыми решил расстаться ради благосостояния своей страны. Согласно их убеждениям, Курций был дураком, а Леонид¹ – слабоумным. В наше время смерть за свою страну более никому не видится прекрасной и славной, наоборот, многим она кажется нелепой и абсурдной. Более ни от какого солдата нельзя требовать, чтобы он подставил грудь под шпагу или штык, нацеленные в грудь

¹ Предводитель спартанцев во время сражения с персами при Фермопилах (480 г. до н. э.), в ходе которого все защитники перешейка, включая его самого, погибли. – Р. Х.

великого полководца, на плечах которого лежит ответственность за судьбу и свободу целой страны, за жизнь и благосостояние миллионов людей, в том числе еще не рожденных на свет.

Напротив, очевидно, что всеми действиями людей правит необходимость, что благосостояние и даже жизни людей зачастую должны приноситься в жертву интересам благосостояния страны. Некоторым приходится оставить всякую надежду: миссионер идет проповедовать слово Божье в дикое племя, и сама жизнь его при этом висит на волоске; врач идет в холерный барак, сам рискуя заразиться; моряк с потерпевшего крушение и горящего корабля хладнокровно прыгает в вечно голодные волны океана, когда в последней шлюпке не хватает места для пассажиров, жизнь которых он может теперь спасти лишь ценой своей собственной жизни, в то время как штурман продолжает нерушимой скалой стоять у штурвала и отводить в сторону горящий остов корабля, чтобы он, не дай бог, не сокрушил углую шлюпку, в которой спасаются немногие счастливицы, иначе обреченные на смерть.

Людские сообщества постоянно ищут справедливость. Все сложные общественные механизмы, составляющие сущность государства, да и всего современного мира как совокупности многих государств, являются попытками человечества установить повсеместно отнюдь не некую абстрактную идеальную справедливость, бросающую вызов справедливости Господнего суда, но практическую справедливость, правосудие, в той его форме, в которой оно может и должно существовать в реальном мире людей. Все тщательно продуманные и повсеместно распространенные общественные механизмы законодательства и судопроизводства, все чиновники и гражданские акты суть для людей средства претворить теорию праведности на практике. Конституции создаются во имя установления справедливости; постановления судов предназначены для того, чтобы мы в будущем выносили более мудрые и обоснованные решения по аналогичным или подобным вопросам. Народы избирают наиболее справедливых своих представителей в законодательные собрания, чтобы они вложили в законы и уложения страны свое понимание справедливости и праведности. Народы желают, чтобы их законы были воплощением правосудия, отправляемого беспристрастно. Во все, даже самые отдаленные, времена существовало дикое народное правосудие, пусть и всегда смешанное со страстями и отправлявшееся с ненавистью, ибо правосудие грубых людей всегда грубо и страшно, в то время как правосудие людей более образованных и цивилизованных принимает более утонченные и нравственные формы. Каждое прогрессивное государство время от времени пересматривает свои законы и даже совершенно переписывает уложения гражданского права в стремлении максимально, насколько это только возможно, приблизиться к идеалам практической справедливости и истины; но иногда, идя на поводу у мечтателей и творцов абстрактных теорий идеальной справедливости, в закон возводятся их бесплотные принципы, на практике приводящие к беззаконию, что заставляет общество впоследствии вновь делать шаг назад.

В своих литературных трудах люди тоже постоянно ищут справедливость и желают воздаяния за добродетель, равно как и за грех. Они всегда на стороне праведности и человечности, и большинство людей имеет свой собственный идеал справедливости, который для них лучше

всего окружающего, справедливее существующих законов; законы всегда несовершенны, ибо они никогда не приближаются даже к идеалу совершенной практической справедливости; никто из людей не способен соответствовать в жизни даже собственным идеалам возможной или практической справедливости. Страсти и необходимость заставляют человека постоянно снижать планку справедливости относительно собственных идеалов. Идеальная справедливость, которой восхищаются и к которой стремятся люди, истинна, но в этом мире ей не суждено быть реализованной. Однако нам следует настолько приблизиться к ней, насколько это практично; нам следует стремиться к повсеместному установлению того идеального народовластия, которое «ныне проносится перед мысленным взором всех честных и верующих людей – более прекрасное, чем Республика Платона, чем Утопия Мора², чем Золотой век народных преданий», при этом постоянно помня, что в стремлении к недостижимому идеалу ни в коем случае не следует пренебрегать тем, что достижимо и практично. Стремиться к лучшему, но при этом довольствоваться лучшим из достижимого, вот в чем единственно истинная мудрость. А настаивать на свершении абстрактного правосудия, не принимая во внимание наиважнейший и вседвоящий фактор необходимости, причуда пустого мечтателя.

В мире, населенном людьми в их материальных телах, которым присущи телесные же потребности и нужды, никогда не суждено наступить времени, когда не будет больше зависимости, нужды, преследований, страха пред Богом или человеком, и одна лишь любовь будет царить повсеместно. Так не будет никогда, пока в мире существуют неравенство интеллектов, снисходительность к низменному пороку, праздность, расточительство, ужасные волны эпидемий, войн и голода, землетрясения и извержения вулканов, пока необходимость заставляет людей страдать, нуждаться, прислуживаться, бояться и умирать.

Лемех правосудия снова и снова вспахивает почву этого мира, выкорчевывая сорную траву. Нам все чаще удается наблюдать в мире торжество правосудия. Несправедливость Англии привела к утрате ею Америки – истинного бриллианта чистой воды в ее короне. Неправедность Наполеона низвергла его с трона в большей степени, нежели снега России, да так, что он очутился на уединенной голой скале посреди океана, чтобы там страдать и умереть и чтобы жизнь его стала наглядным уроком справедливости для всего человечества.

Мы способны интуитивно распознавать справедливость, даже когда не в состоянии описать ее словами. То, чем она является в определенный момент времени, настолько зависит от сопутствующих обстоятельств, что вводить определения просто бесполезно – они только будут вводить в заблуждение. Зачастую для общества несправедливым оказывается то, что – в отсутствие определенных обстоятельств – могло бы быть провозглашено справедливым для одного отдельно взятого человека. Общие предположения людей о своих правах практически всегда ложны, и

² Сэр Томас Мора (1477 – 1535) – святой, английский философ-гуманист, лорд-канцлер при дворе короля Генриха VIII, который повелел его казнить за отказ признать развод короля с Екатериной Арагонской и его право предстояния в церкви страны. Канонизирован в 1935 г. Эразм Роттердамский удостоил его звания «*omnium horagum homo*» «человека на все времена». Эразм настолько боготворил Мора, что его «Похвала глупости» (лат. «*Moriae Encomium*») названа так в честь великого англичанина. – Р. Х.

нередко совершенно несправедливо поступает тот человек, который делает нечто, что теоретики полагают его неотъемлемым правом, и даже долгом, делать.

Нам следует творить своим ближним то же самое, что бы мы желали и считали своим неотъемлемым правом, чтобы они творили нам при аналогичных обстоятельствах. Существует множество теоретически вполне прогнозируемых случаев, когда человеку приходится заботиться о себе в ущерб своему ближнему, например, при кораблекрушении, когда двое хватаются за оставшуюся на плаву доску, способную выдержать и спасти лишь одного; в бою, когда раненый может спасти собственную жизнь, лишь убив нападающего на него врага. Следует предпочитать безопасность своей страны ценности жизни ее врагов и даже иногда ценности жизни ее собственных ни в чем не повинных граждан. Полководец во время отступления совершенно справедливо отдает приказ сжечь мост за своей армией, чтобы задержать преследователей, пусть при этом на противоположном берегу остается рота, батальон, даже целый корпус его собственной армии, определенно обреченный теперь на поражение и гибель.

Все это – не отступления от закона справедливости, пускай здесь, как и во всех прочих случаях, когда ранение или смерть одного человека означают спасение многих, когда интересы одного человека, одного класса, одного народа приносятся в жертву общественному благу или благу более совершенного народа, практика способна уязвить какого-нибудь теоретика, мечтающего об идеальной справедливости. Однако каждое отступление от реальной, практической справедливости неизменно сопряжено с исчезновением самого творящего несправедливость, пусть об этом иногда ничего не узнает общественность. Несправедливость, частная или общественная, как любой другой порок, любое другое преступление, неизбежно порождает определенные следствия. Самовлюбленный, алчный и жестокий человек, несправедливый и безжалостный работодатель, жестокий хозяин отвратительны в глазах общественного мнения, в то время как добрый хозяин, щедрый и великодушный, человечный и справедливый работодатель восхваляются общественным мнением, и даже зависть окружающих лишь добавляет им величия. Люди всегда почитают тех, кто стойко защищает истину и справедливость. Мир возводит памятники великим патриотам. Четверо великих государственных деятелей, способствовавших торжеству правосудия, изваянные из камня, ныне молчаливыми глашатаями всенародного стремления к справедливости взирают на французских законодателей, входящих в зал собраний. С каким почтением мы сами взираем на мраморные черты Джея³ и Маршалла⁴, спокойно взирающих ныне на живых заседателей

³ Джон Джей (1745 – 1829) – американский государственный деятель, дипломат, юрист и первый председатель Верховного суда США. Несмотря на вознесение его Пайком, в действительности он был достаточно праздным и заносчивым аристократом, презиравшим народное представительство и демократию как таковую, вполне вероятно, потому, что проиграл выборы на пост губернатора Нью-Йорка. Позднее, в 1795 г., он все же занял этот пост. – Р. Х.

⁴ Джон Маршалл (1755 – 1835) – четвертый Главный судья Верховного Суда США, учредитель американской системы юридического анализа конституционности законов. Человек недюжинной энергии, на протяжении своего пребывания на этом высоком посту принял участие в рассмотрении более чем 1000 дел, причем, в половине случаев выносил решение самостоятельно. – Р. Х.

Верховного суда Соединенных Штатов! Сколь величественный памятник себе возвел Вашингтон в сердце Америки, да и всего мира, не потому, что мечтал о неосуществимой, идеальной справедливости, но потому что вечно стремился к претворению в жизнь справедливости, практической и реальной!

Только необходимость и соображения наибольшего блага наибольшего возможного числа людей могут пересекаться и вступать в противоречие с идеалом торжества абсолютной справедливости. Государство не должно, не имеет права усиливать сильных, ослабляя слабых, поддерживать капитал, душа налогами труд. Сильный и могущественный ни при каких обстоятельствах не может требовать себе исключительного права на ту или иную разработку или найм рабочей силы; государственные деятели обязаны, принимая решение, учитывать не только соображения осмотрительности и нужд сегодняшнего дня, но и обязательное соблюдение приближенной к идеалу справедливости; о справедливости никогда не следует забывать, даже отстаивая свои интересы; политическая мораль никогда не должна приноситься в жертву политической экономике; не следует предпочитать национальное благосостояние национальной организации на основе закона справедливости и истины.

Все мы различаемся по абстрактным правам: у этого вопроса очень много сторон, а практически все мы склонны рассматривать лишь несколько из них, многие – вообще только одну сторону. Но все мы способны различить жестокость, несправедливость, бесчеловечность, пристрастность, честолюбие, лживость по их знакомым и таким отвратительным внешним проявлениям; чтобы распознавать, ненавидеть и презирать их, нам нет нужды воображать себя судьями великого апелляционного суда, пересматривающего и отменяющего законы Провидения Господня.

В наши дни цивилизация определенно несет в себе множество зол, и многие проблемы человечества позабыты и до сих пор остаются нерешенными. Ужасный лик нищеты, отвратительные пороки наших городов своим красноречивым молчанием или неразборчивым бормотанием сообщают нам, что богатые, знатные, образованные и власть предержащие не исполняют свой долг по отношению к бедным, слабым и невежественным; каждая страдальца-нищенка, только Богу ведомо как живущая пошивом рубашек по шесть пенсов за штуку, свидетельствует о вселенской несправедливости и бесчеловечности человека. Люди жестоки к рабам, еще более жестоки к животным, лишены сострадания к оступившимся, сами легко и без зазрения совести преступают законы и правила взаимоотношений, сотворенные и установленные для них Богом.

Всякой несправедливости Богом давно вынесен приговор, который начертан Его перстом повсюду в природе человека и природе Вселенной, ибо он был вынесен Беспредельным Богом. Верность своим способностям, своим убеждениям есть справедливость к себе самому; жизнь в соответствии с этими убеждениями есть верность человечеству. Зло не может вести к успеху. То, что приобретено несправедливостью, в действительности потеряно; приносимые ею удовольствия в действительности являются страданиями. Несправедливость часто кажется нам процветающей, но в действительности ее успех – это ее поражение и позор. Спустя сколь угодно продолжительное время неизменно наступает день отмщения – как для каждого человека, так и для каждого народа.

Мошенник обманывает сам себя. Скряга, заставляющий голодать тело ближнего своего, вместе с этим обирает собственную душу, и в миг смерти он покинет свой богатый дворец, сокровища которого были нажиты несправедливостью и преступлениями, голый и босый, нищий и презренный. Всякий избегающий исполнения своего долга вместе с этим теряет возможность многое обрести. Внешнее суждение часто бывает ошибочно, но внутреннее чувство справедливости не ошибается никогда. Стоит человеку лишь на миг возлюбить зло и начать творить зло, хлеб, который он ест, немедленно обращается в камень, справедливость в быстром беге настигает его, следуя по ариадниной нити последствий свершенных им преступлений, и вот уже он чувствует ее стальную хватку на своем горле. Убежать от нее невозможно, ибо от себя не убежишь. Справедливость – это ангел Господень, пролетающий с Востока на Запад, и где бы она ни распростерла свои широкие крылья, она передает людям Божий совет и окормляет их хлебом ангельским.

Нравственная Вселенная недоступна нашему пониманию. Небесный свод огромен, и наш взгляд не способен проникнуть за его пределы; мы не способны вычислить его дугу и при помощи одного только своего зрения завершить построение его геометрической формы; но совесть наша позволяет нам проникнуть в его суть, и мы знаем, что суть эта – справедливость. Справедливость неуничтожима, пусть пороки зачастую и кажутся невероятно сильными и могущественными, и на их стороне – огромные армии и властные троны, богатства и слава мира сего, в то время как добродетель прозябает в нищете, холоде и голоде. Справедливость никогда не потерпит поражение и не умрет в мире людей, как никогда не добьются окончательного и всемирного торжества порок и несправедливость, противоречащие Богом сотворенному закону. Могущество, мудрость и справедливость Бога всегда на стороне праведной мысли, а следовательно, она не может умереть, как не может умереть Сам Бог.

В делах людских Господня Справедливость должна осуществляться также через людей. Люди – это орудия претворения в жизнь Господних велений; наша нравственность – это орудие Господней справедливости, непостижимой для нас, а потому зачастую творящей в наших глазах неправедные дела под аккомпанемент счастливого смеха грешника и мерзавца. Справедливость – это всеобщий закон человеческой жизни, записанный в самой природе людей. В повседневной жизни – в поле, дома, в мастерской, в конторе или в суде – мы всегда трудимся во имя грядущего торжества справедливости, которое приближается медленно – часто настолько медленно, что многие теряют всякую надежду, но верно.

Справедливость, воплотившаяся нашими стараниями на Земле, благословляет нас и в этой жизни, и потом, и по смерти своей мы присоединяем ее к запасам общечеловеческой сокровищницы справедливости. Всякий масон, который, творя только то, что возможно и практично, превозносит и претворяет в жизнь справедливость человеческую, тем самым углубляет и расширяет русло реки, в которой текут воды справедливости Господней; а обломки зла, ныне мешающие им свободно и привольно течь, будут его стараниями сметены и унесены прочь. Давай же, брат мой, в этом и во всех прочих случаях стремиться неуклонно исполнять все свои обязанности как масонов и просто как честных людей!